

НЕЗАВИСИМАЯ УКРАИНА В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ВЕХИ И АКЦЕНТЫ

Дембицкий С. С.,

кандидат социологических наук,

старший научный сотрудник отдела методологии и методов социологии

Института социологии Национальной академии наук Украины

В статье анализируются работы, сфокусированные на геополитической проблематике современной Украины. Благодаря этому автор выделяет ключевые темы, важные с точки зрения исследования геополитических ориентаций украинского населения. Содержательно статья разделена в соответствии с тремя большими периодами в истории современной Украины: с 1991 по 2004 (эра первых президентов), с 2004 по 2013 (между Оранжевой революцией и Революцией достоинства), с 2013 по сегодняшний день (европейский выбор и военный конфликт).

У статті аналізуються роботи, що сфокусовані на геополітичній проблематиці сучасної України. Завдяки цьому автор виділяє ключові теми, які є важливими з точки зору дослідження геополітичних орієнтацій українського населення. Змістовно стаття поділена відповідно до трьох великих періодів в історії сучасної України: з 1991 по 2004 (ера перших президентів), з 2004 по 2013 (між Помаранчевою революцією та Революцією гідності), з 2013 по сьогоднішній день (європейський вибір та військовий конфлікт).

The article analyzes research focused on the geopolitical problems of modern Ukraine. On this basis, the author highlights key topics that are important for studying of the geopolitical orientations of the Ukrainian's population. The content of article is divided according to three big periods in the history of modern Ukraine: from 1991 to 2004 (the era of the first presidents), from 2004 to 2013 (between the Orange Revolution and the Revolution of Dignity), from 2013 to the present day (European choice and military conflict).

Ключевые слова: геополитика, геополитические ориентации, Украина.

Постановка проблемы. Актуальность проблемы внешнеполитических ориентаций населения очень сложно переоценить, тем более, когда речь идет о такой стране, как Украина. И особенно когда речь о ней идет в нынешних условиях. Однако прежде чем говорить о внешнеполитических ориентациях (нас в первую очередь интересует специфика их фиксации или измерения социологическими средствами), необходимо обратиться к тому базису, на котором они выстраиваются, – к геополитической активности политических элит. Такая постановка вопроса неслучайна: как будет показано далее, обсуждение Украины в геополитическом контексте ведется преимущественно с фокусировкой на решениях и действиях политических элит Украины, США, Евросоюза и Российской Федерации.

Цель – анализ работ, сфокусированных на геополитической проблематике современной Украины.

Изложение основного материала. В нашем анализе мы также следуем этой логике: политические решения и действия всех релевантных участников геополитических процессов, в которые включено рассматриваемое государство, являются тем ключевым фактором, который оформляет внешнеполитические ориентации его населения. Следовательно, для определения ключевых тем, благодаря которым раскрываются внешнеполитические ориентации населения Украины, мы считаем необходимым обратиться к теме независимой Украины в геополитическом дискурсе. Последний условно можно разделить на англоязычный и украино-/русскоязычный. В данной работе мы остановимся на концептуальных положениях, представленных в англоязычных публикациях.

Публикации рассматриваются в хронологической последовательности для того, чтобы понять динамику представлений о геополитическом статусе и особенностях независимой Украины на протяжении ее новейшей истории. В некоторых случаях делается отступление от этого правила (например, когда публикации затрагивают одну и ту же тематику).

1991–2004: эра первых президентов

Для человека, открывшего тему геополитической роли независимой Украины на постсоветском пространстве, события, начавшиеся в Украине в 2014 году, вероятно, не были неожиданностью.

Речь, конечно же, идет о Збигневе Бжезинском, начавшем академическое рассмотрение этой темы в далеком 1996 году [5]. Не будет преувеличением то, что он точно определил основные точки напряжения между Российской Федерацией и Украиной, которые были и остаются сейчас ключевыми в развитии отношений между двумя странами.

В упомянутой работе Бжезинский говорит о критической роли Украины в геополитическом пространстве бывшего СССР. Прежде всего, автор упоминает о роли Л. Кравчука, принимавшего участие в Беловежском соглашении и настоявшем на «цивилизованном разводе» стран, входивших в состав Советского Союза, что в целом привело к тому формату СНГ, который существовал далее. Это, в свою очередь, повлекло за собой ряд глобальных изменений. Во-первых, существенно трансформировалось европейское геополитическое «уравнение», связанное с уменьшением мощи России. По мнению Бжезинского, независимый статус Украины обеспечил безопасность Польши, Румынии и Турции. Во-вторых, концепция СНГ была основана на кооперации ради защиты безопасности независимых государств, а не построении интегрированной общности, что, опять-таки, могло «подстегнуть» имперские амбиции России. Наконец, независимость Украины была важна для нашего «большого брата» самого по себе, так как ставила его перед фундаментальным вопросом самоопределения: «Что такое Россия?». Фактически реакция элит Российской Федерации на геополитическое самоопределение Украины и является показателем того, можно ли считать Россию европейским государством.

Далее Бжезинский указывает на тревожный момент, заключающийся в позиции России по поводу Чечни, ставшей ареной кровопролитной войны. Для Украины этот момент был символичен, поскольку сигнализировал принципиальную позицию части российского политикума относительно ряда территорий, важных для него. В число последних входил и Крым (в особенности Севастополь). Он открыто рассматривался рядом влиятельных российских политиков как точка столкновения интересов России и НАТО. А поскольку Бжезинский видел Украину неотъемлемой частью Центральной Европы, что предполагало дальнейшее движение первой в сторону Северо-атлантического альянса, ситуация виделась ему потенциально взрывоопасной.

Что говорил Бжезинский о геополитическом будущем Украины? Прежде всего, он видел Украину частью западного мира. Поэтому считал правильным укрепление связей между Украиной и Польшей, а через Польшу – с Германией. Также необходимым он считал налаживание сотрудничества с Румынией и Турцией, оптимизацию экономического взаимодействия с Россией, а также начало конструктивного диалога с Азербайджаном и Узбекистаном для обеспечения геополитического плюрализма.

Ситуация в Крыму как важная геополитическая для Украины проблема была детально проанализирована в статье Джейн Доусон [7]. Поскольку первая половина 90-х годов прошла на полуострове под знаком напряженных политических конфликтов ненасильственного характера, автор заинтересовалась особенностью трех политических расколов в Крыму: этнического, идеологического и геополитического – с тем, чтобы понять, как удалось сохранить мирный характер политической борьбы в автономии.

Несмотря на активные действия пророссийских сил, направленные на усиление указанных расколов, их политическая активность, первоначально получившая широкую поддержку среди избирателей, в итоге завершилась коллапсом, который расчистил путь к успеху центристским проукраинским силам.

Доусон указывает, что первоначальный успех связан, по сути, с тремя факторами: экономическими успехами Российской Федерации на фоне экономического кризиса в Украине, успехом идеологической и геополитической пропаганды пророссийских сил на полуострове, а также успехом их обращения к языковому вопросу. Фактически первоочередная проблема заключалась в тяжелом экономическом положении населения полуострова, а идеологическое и геополитическое обоснование необходимости воссоединения с Россией было лишь красивым поводом для присоединения к более успешному соседу. Кроме того, учитывая подавляющую распространенность на полуострове русского языка, языковой вопрос всегда был здесь чувствительной темой, особенно в контексте широко распространенных на материковой части Украины националистических лозунгов в тот период.

Коллапс же произошел как вследствие ошибочной стратегии, так и в результате внутренних и внешних противоречий в пророссийском движении. Ошибочность стратегии заключалась в акценте на этническом расколе между русскими и украинцами в Крыму. Вместе с тем ассимиляция этих двух групп на полуострове была настолько сильной, что разделения между русскими и украинцами на самом деле не существовало. Люди ждали экономических улучшений, а не актуализации этнического вопроса. Усугубил ситуацию конфликт внутри пророссийских сил – между президентом АРК и ее парламентом. Довершила фиаско позиция политических элит Российской Федерации, которая была занята Чеченской войной, что делало практически невозможным ввязывание в еще один серьезный конфликт.

В результате политическим элитам полуострова (в том числе и «с благословения» международной общественности) пришлось решать этот конфликт один на один с политическими элитами материковой Украины, что в результате ряда компромиссов привело к принятию новой конституции АРК в 1996 году, а также отмене президентской должности в автономии.

Не обходит стороной Доусон и крымско-татарский вопрос, несмотря на его вторичность в рамках политической борьбы на полуострове в первой половине 90-х годов. Так, автор говорит о напряженности между двумя политическими силами среди крымских татар – Организацией крымско-татарского национального движения (ОКТНД) / Меджлисом и Национальным движением крымских татар, среди которых для первых приоритетным был этнический вопрос (в частности восстановление на этой основе крымско-татарской государственности), для вторых – интеграция в рамках существующей политической системы (это направление часто обвинялось в пророссийских симпатиях). Кроме того, указывается на высокий мобилизационный потенциал протестного движения в этой этнической группе, что логически вело к предположению о возможном этническом противостоянии в дальнейшем. Однако напряжение на этом направлении снималось благодаря ориентации ОКТНД / Меджлиса на сотрудничество с центральными органами власти Украины.

Первые итоги политического и геополитического курса Украины в 90-х годах подвел Доминик Арэл [3]. Понимая сложность геополитического положения Украины между востоком и западом, он акцентирует внимание на тех аспектах государственного управления, которые усложняют геополитическое положение нашей страны (центральной фигурой анализ при этом выступил второй президент Украины – Леонид Кучма). К таким он относит следующие:

1) отсутствие экономических реформ, которые бы отвечали минимальным критериям эффективности, что проявилось в провальной монетарной политике, неэффективной приватизации, невыполнении кредитных обязательств перед западными партнерами;

2) очевидная (при том с одобрения президента) слабость и неэффективность правительства, открывающая возможность «паразитического» использования ценных ресурсов властными группами, а также другим проявлениям коррупции;

3) «заигрывание» с языковыми и геополитическими предпочтениями электората исключительно в целях получения власти; дальнейшая замена предвыборных лозунгов диаметрально противоположными политическими решениями;

4) отсутствие решения проблемы энергетической зависимости от Российской Федерации, отягощенной коррупционным использованием газотранспортной системы Украины благодаря ее безальтернативности для России на тот момент;

5) нежелание участвовать в строительстве взаимовыгодных экономических отношений в рамках СНГ;

6) противоречие между декларируемыми европейскими устремлениями элит Украины и их нежеланием/неспособностью обеспечить достижение минимально необходимых для этого экономических показателей;

7) отсутствие эффективной языковой политики;

8) клановость политических элит, которые ведут борьбу, в которой главный принцип гласит, что «победитель получает все».

В итоге автор делает вывод о том, что в геополитическом смысле Украине придется балансировать между востоком и западом, русским и украинским. А для успешного решения этой задачи необходима стабильная экономическая среда. В заключение Д. Арэл отмечает, что несмотря на широко распространенное мнение про обусловленность нестабильности Украины действиями России, ее (нестабильности) главная причина, скорее всего, заключается во внутривнутриполитических решениях украинских элит.

Михаил Молчанов [20] обращается к проблеме национализма в посткоммунистических странах как властному ресурсу (с фокусировкой на России и Украине). По его мнению, посткоммунистический национализм отличается от его более ранних типов. Это связано с тем, что он используется не для консолидации общества или создания новой идентичности, а для борьбы за ресурсы, превратившие аморфные демократические движения в борьбу за независимость.

Несмотря на то, что посткоммунистический национализм принято связывать с этнической или этно-политической привязанностью, автор считает, что его корни следует искать в более сложных наложениях политики, экономики и международных отношений (а значит, и геополитическом статусе и амбициях). В этом смысле национализм превращается в инструмент политических элит тех или иных стран. Конфигурация внутренних и международных факторов может вести, по мнению Молчанова, к одной из трех стратегий мобилизации национализма: оборонительной, селективной и эмулятивной.

Оборонительный национализм возникает на фоне воспринимаемых угроз существованию нации или воспринимаемых возможностей для национального возвышения. Очевидно, что такого рода национализм на постсоветском пространстве воспроизводится в Российской Федерации.

В свою очередь, селективный национализм характерен для группы государств, составляющих так называемый «защитный пояс» (например, страны Балтии) между Западом и его геополитическими «другими». Селективный национализм может реализовываться с помощью самых разно-

бразных стратегий, однако его основополагающим принципом является прозападная ориентация, которая, в свою очередь, базируется на всесторонней поддержке со стороны западных государств.

Наконец, эмулятивный национализм используется в государствах, которые возникли, прежде всего, благодаря распаду СССР. Их естественный или исторический национализм слаб или мало-развит, что выдвигает на первый план необходимость конструирования релевантных кодов и практик, призванных обозначить геополитическую позицию молодого независимого государства (к таким автор относит страны Центральной Азии).

Что касается Украины, то Молчанов говорит, что в данном случае наблюдается селективный национализм, позволяющий извлекать выгоду из важного геополитического положения страны между Россией и Западом. Также украинские элиты сталкиваются и с необходимостью использования эмулятивного национализма, поскольку границы современной Украины были оформлены в советский период, что сказалось на усилении культурной и политической гетерогенности нашего общества.

То, как различные страны СНГ выстраивают свои внешнеполитические стратегии в ответ на геополитические амбиции Российской Федерации, детально проанализировано в работах Тараса Кузьо [13; 16]. В них он опирается на типологию внешней политики в различных странах СНГ. Используя дихотомии «прагматизм-радикализм» и «западничество-славянофильство», Т. Кузьо выделил четыре внешнеполитические ориентации: радикальное западничество (членство в НАТО и ЕС), прозападная нейтральность (двухсторонние отношения в рамках СНГ с акцентом на экономической кооперации), провосточная нейтральность (экономико-политическая интеграция в рамках СНГ), Российско-Белорусский союз (экономический, политический, военный союз). К первой группе относятся страны Балтии, ко второй – ГУАМ (Грузия, Украина, Узбекистан, Азербайджан, Молдова), к третьей – Россия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Армения, к четвертой – Белоруссия.

Главная же цель указанных работ – показать роль ГУАМ-а в создании того, что З. Бжезинский назвал геополитическим плюрализмом. Так, благодаря созданию ГУАМА входящие в него страны должны были получить больше возможностей для того, чтобы говорить с Россией на равных. Это, в свою очередь, должно было способствовать дальнейшей демократизации в регионе.

В дальнейшем Т. Кузьо обратился к теме идентичности как фактору построения национального государства в Украине [14]. При этом он акцентирует внимание на активности политических элит в Украине и том, как они определяют «других» во внешнеполитическом пространстве. Автор подчеркивает тот факт, что историческая и культурная близость России значительно актуализирует необходимость осмысления нашей несхожести (то есть правильного понимания «других»). В противном случае Украина рискует своей национальной идентичностью.

В середине украинского политикума Т. Кузьо выделяет четыре влиятельные группы: правые националисты, правоцентристы, центристы и левые. Правые националисты видят всех русских (и внутри, и за пределами страны) в качестве «других», в то время как левые видят «другими» страны Запада. Правые центристы поддерживают гражданскую модель национального государства и, соответственно, включают в него тех русских, которые являются гражданами Украины. При этом правоцентристы солидарны с правыми националистами относительно негативной оценки имперского и советского наследия, а также отнесения к «другим» русских за пределами Украины. Центристы, напротив, находят в советской истории как положительные, так и отрицательные моменты, но разделяют общее с правоцентристами мнение о русских в качестве «своих» или «чужих» в зависимости от их гражданского статуса.

Также Кузьо указывает, что культурная и языковая близость славянских этносов (украинцев, белоруссов и русских) делает вопрос национальных идентичностей более, а не менее конфликтно-генным, поскольку более влиятельные государства могут делать попытки навязать менее влиятельным свое понимание этой проблемы.

Тему национальной идентичности автор дополняет в своей более поздней работе, посвященной школам истории Украины. К таким автор относит советскую, русофильскую, украинофильскую и восточно-славянскую [15]. Важность данной темы связана с тем, что способ конструирования национальной истории оказывает существенное влияние на специфику оформления образа «других», а значит, делает ее не только важным инструментом оформления идентичности, но и государственной политики (внутренней и внешней). Кузьо делает вывод о доминировании украинофильской школы, что обеспечивает хорошую историческую базу для понимания себя в качестве европейской нацией в противоположность России, находящейся за пределами Европы.

Языковой аспект формирования национальной идентичности в Украине проанализирован Татьяной Журженко [30]. Оценивая позицию влиятельных геополитических соседей (Европейский союз и Российская Федерация) по языковым вопросам, она приходит к выводу о перспективности ориентации на построение гражданского национального государства и, соответственно, решении языковых проблем в контексте мультикультурализма. Автор считает, что несмотря на фактический билингвизм в Украине (за исключением западного региона), для большинства русскоговорящих граждан (как русских, так и украинцев) вопрос языка не является приоритетной политической

проблемой. Это, в свою очередь, существенно ослабляет возможности России по внедрению языкового «раскола» в политическую жизнь украинского государства.

Похожие мысли высказывает и Виктор Степаненко [25]. В частности, он говорит о том, что высокая схожесть двух основных языков в Украине потенциально ведет к возможности общенационального диалога и взаимной толерантности, позволяющих избежать межэтнических конфликтов. При этом Степаненко говорит, что выбор между моделью этнического и гражданского национального государства является открытой задачей, которая ждет своего решения со стороны политических элит в Украине.

В преддверии президентских выборов 2004 года и последующей «Оранжевой революции» Т. Кузьо обратился к теме периодизации отношений Украины с Западом [17]. Так, он выделил три этапа: отсутствие интереса со стороны Запада (1991–1994), сотрудничество (1995–1999) и разочарование (с 2000). При этом ключевая часть статьи посвящена обеспокоенности Запада по поводу президентства Л. Кучмы, а также результатов предстоящих выборов, в которых, как полагает автор, честную победу мог одержать только В. Ющенко (при этом автор ссылается на стабильно высокий рейтинг указанного кандидата). Следует также указать на важное замечание автора статьи, согласно которому характер отношений Запада с Украиной выстраивается в контексте характера его отношений с Российской Федерацией.

Тема внутренних усилий украинского политика на региональном уровне, направленных на сближение с Европейским союзом, поднимается в статьях Т. Журженко [28; 29]. Она указывает на особый геополитический статус регионов, граничащих с Россией (в качестве примера используется Слобожанщина). Главная причина обращения именно к ним – наличие трансграничной кооперации, имеющей исторические корни. Фактически, если статус самих границ Украины рассматривается элитами Российской Федерации нейтрально, то приграничные территории оцениваются ими как находящиеся в сфере их интереса. Таким образом, общее геополитическое сознание в таких регионах имеет двойную важность: для оформления европейского будущего Украины необходим сдвиг акцентов от трансграничной кооперации с Россией к осознанию факта принадлежности к европейскому пространству в качестве ее пограничной зоны.

2004–2013: между Оранжевой революцией и Революцией достоинства

Оранжевая революция стала новой точкой отсчета для Украины относительно ее геополитических перспектив. Детальные результаты анализа соответствующих исходных условий представлены в отчете Исследовательской службы конгресса США под авторством Стивена Вохрела [27]. На пятнадцати страницах компактно изложены основные геополитические аспекты внутренней и внешней жизни Украины. Так, рассматриваются перспективы трехсторонних отношений Евросоюза, Украины и Российской Федерации с учетом политических целей нового Президента – В. Ющенко. При этом внимание уделено как новым взаимовыгодным возможностям, так и точкам напряжения в отношениях между указанными сторонами. Отдельно сказано о внутренней сложности Украины: языковой дилемме, различных внешнеполитических устремлениях граждан страны, все еще низком уровне поддержке идеи вступления в НАТО. Планы о сотрудничестве с Североатлантическим Альянсом проанализированы и на уровне деятельности государственных институтов. Рассматриваются новые экономические возможности Украины благодаря вступлению в ВТО, а также инструменты расширения энергетической независимости в рамках деятельности ГУАМ. Указаны возможные действия поддержки со стороны США. Уже в следующем году С. Вохрел в соавторстве с Джимом Николом [22] представили отчет, посвященный газовому конфликту между Украиной и Россией, начавшегося после повышения цен на энергоносители со стороны Газпрома.

Геополитические ориентации украинского политика были проанализированы Вячеславом Никулиным и Наталией Селютиной [23]. В фокусе их интереса оказалась активность политических элит в рамках первых парламентских выборов после Оранжевой революции (предвыборные утверждения, выступления и публикации). Результаты анализа показали, что несмотря на общую прагматическую ориентацию, заключающуюся в понимании важности многовекторности внешнеполитического сотрудничества, общая картина достаточно неоднородна. Так, представители Коммунистической партии Украины демонстрировали наиболее провосточную позицию, Партии регионов и Социалистической партии Украины – умеренно провосточную, Блока Юлии Тимошенко – прозападную, Народного союза «Наша Украина» – наиболее прозападную.

Переход от позиции, в которой Украина балансирует между востоком и западом, к провозглашению нового цивилизационного выбора Украины в пользу Европы при президенте А. Ющенко фиксируется в работе Рилки Драгневой и Антонеты Димитровой [9]. По мнению авторов это было удачным решением, необходимым для начала модернизации внутри страны, направленной на дальнейшую европейскую интеграцию. Кроме того, Р. Драгнева и А. Димитрова фиксируют конфликтные и неконфликтные аспекты внешнеэкономической деятельности Украины, когда речь заходит об одновременном сотрудничестве в рамках Европейской экономической зоны, с одной стороны, и СНГ – с другой.

Однако, в более поздних работах [19; 11] тема цивилизационного выбора сменяется анализом внутривнутриполитического фиаско в Украине (речь идет о противостоянии В. Ющенко и Ю. Тимошенко), перечеркнувшего надежды как на реальное сближение с Европейским союзом, так и на вступление в НАТО. Это, в свою очередь, оставило Украину «подвешенной» между Западом и Востоком, а также предоставило хорошие возможности для России по влиянию на ситуацию в Украине.

Уже после президентских выборов в 2010 году возвращение геополитики в Центральной Европе в привязке к России и Украине провозгласил эксперт корпорации RAND Стефен Лераби [18]. Следуя логике, заданной З. Бжезинским, С. Лераби называет Украину ключевой с точки зрения геополитики страной, которая открывает России путь к статусу Евразийской империи.

В этом контексте рассматривается Оранжевая революция как важный поворотный момент, негативно сказывающийся на вероятности реализации имперских амбиций Российской Федерации. Вместе с тем автор хорошо осведомлен о внутренних политических противоречиях между премьером Ю. Тимошенко и третьим президентом Украины – В. Ющенко, повлекших за собой победу на президентских выборах 2010 года В. Януковича. Последний оценивается С. Лераби как умеренно пророссийский политик, сдерживаемый внутренней политической неоднородностью Партии регионов (речь идет прежде всего об олигархах). Далее внимание уделяется четырем ключевым аспектам геополитических взаимоотношений между Украиной и Россией: энергетическим потокам, Черноморскому флоту, статусу Севастополя, крымскому вопросу, НАТО и Европейскому союзу.

Энергетический вопрос, впервые громко заявивший о себе в 2006 году, повторился в 2009. Факторами его возникновения можно назвать экономическое давление России на Украину, безальтернативность маршрута поставки газа в Европу на тот период, а также репутационные потери Газпрома.

Дислокация Черноморского флота РФ оценивается автором в качестве важного геополитического инструмента России. В частности, он обращается к Российско-грузинскому конфликту, в процессе которого Черноморский флот отбыл к берегам Грузии для ведения военных действий. Дальнейшие протесты руководства Украины относительно его возвращения в Севастополь не дали никаких результатов.

Подчеркивается историко-символический статус Севастополя как российского города, к которому обращаются отдельные российские политики. В целом С. Лераби оценивает Севастополь в качестве фактора возможных острых конфликтов между Украиной и Россией.

Схожим потенциалом наделена и вся Автономная республика Крым, уже становившаяся плацдармом развития сепаратистских настроений в Украине. В целом такого рода настроения, инспирированные в том числе и извне, являются дополнительным инструментом давления России на Украину.

Наконец, сближение Украины с Европейским союзом и НАТО в последние годы также создает потенциал напряженности между двумя странами. При этом автор указывает, что Украина находится в ситуации отсутствия четких перспектив как по одному, так и по другому направлению сотрудничества. Также высказывается мысль, что военная интервенция со стороны России в сложившемся контексте маловероятна, а вот попытки показать экономическую и политическую несостоятельность Украины перед западными партнерами – более вероятный вариант развития событий. Важно отметить, что в завершении геополитического анализа положения Украины С. Лераби говорит о главной внутренней слабости Украины, которая может быть использована Россией, – внутренней разделенности украинского общества.

Детальный анализ трехсторонних отношений в сфере энергетики между Россией, Украиной и Европейским союзом в этот период, представлен в статье Елены Кропатчевой [12]. В своем анализе она называет их геополитическими энергетическими играми, в которые включено множество участников как на уровне государственных институтов, так и на уровне бизнес-структур. Е. Кропатчева говорит о том, что в зависимости от обстоятельств можно наблюдать временный союз любых двух сторон этого политико-экономического треугольника в ущерб интересам третьей. И несмотря на высокие издержки такой игры для всех участников, она имеет перманентный характер. Для России и Европейского союза приоритетным направлением является диверсификация соответственно экспорта и импорта энергоресурсов, а для Украины – сохранение статуса транзитного государства. При этом, в условиях известной интенсивности партнерских отношений между Россией и Европейским союзом в энергетической сфере, политико-экономическая интеграция с Украиной (открывающая косвенный или прямой контроль над ее газотранспортной системой) является как для Российской Федерации, так и для Евросоюза, важным результатом в игре с нулевой суммой.

Интересен взгляд автора на внутренние особенности сторон этой геоэнергетической игры. Так, в России государственные институты и бизнес-структуры в высшей степени взаимосвязаны, Украина предстает в виде «черного ящика» ввиду высокой конфликтности ее внутривнутриполитической жизни (речь идет о ключевых силах, ведущих борьбу за власть), Европейский союз (и на уровне институтов, и на уровне стран-участниц) также можно назвать неоднородным внутри, но уже в контексте определения приоритетности тех или иных диверсификационных проектов.

В рамки такой картины хорошо укладывается оценка автором президентских выборов 2010 года. Она говорит о том, что, в отличие от 2004, года ни Россия, ни Европейский союз не имели «своего» кандидата, поскольку каждый из претендентов на президентское кресло занимали приблизительно одинаковую позицию относительно решения проблем в сфере внешней политики. В результате это привело к ослаблению внимания Европы к Украине, что, среди прочего, вылилось в принятие противоречивых Харьковских соглашений, согласно которым Украина получила 30% скидку на российский газ, а взамен обязалась пролонгировать возможность пребывания Черноморского флота в Крыму на период от 25 до 30 лет (ни Европейский союз, ни США не сделали критических замечаний на этот счет). С другой стороны, правительство нового президента взяло курс на евроинтеграцию, в том числе и относительно планов по модернизации газотранспортной системы. Следовательно, главным принципом внешней политики Украины при новом президенте стала знакомая всем многовекторность.

В преддверии самого большого кризиса в истории независимой Украины Аттила Вираг обращается к культурному и геополитическому измерению строительства нации в Украине [26]. Автор указывает на то, что Украина принадлежит к тем молодым странам, в которых демократизация и построение нации начались приблизительно одновременно. Как и многие другие аналитики, он указывает, что этот процесс отягощается наличием противоречащих друг другу идентичностей внутри страны. Более того, такой идейной противоречивости содействуют политические элиты, рассматривающие конкретные идентичности в качестве инструмента достижения своих целей.

Несмотря на возможность цивилизованного решения проблемы идейного деления внутри страны по линии «восток-запад» в принципе, А. Вираг считает что в ближайшей перспективе внутриполитическая поляризация будет лишь нарастать. Это, в свою очередь, негативно скажется на формулировке национальных целей и интересов, поскольку для этого необходимо наличие непротиворечивой национальной идентичности. Вместо этого в Украине отчетливо видны интересы различных клановых групп.

В итоге отличительными особенностями национального строительства в Украине А. Вираг видит следующие: 1) существование двух разновидностей исторической памяти (восточная и западная), оказывающее на него отрицательный эффект; 2) заинтересованность властных элит в закреплении такой разделенности; 3) отсутствие в Украине национальной концепции, направленной на достижение национального примирения; 4) слабая оформленность мифов, лежащих в основании различных идентичностей (что в целом смягчает конфликты на почве исторических предрассудков).

Весьма интересны и прогнозы автора. Так, трудности экономического характера, на его взгляд, будут вытеснять конфликты на культурной почве. При этом, несмотря на нерешенность проблем, связанных с национальной идентичностью, для перехода соответствующих конфликтов в горячую фазу (например, по типу гражданской войны) лишь угроз внутри страны недостаточно.

Дальнейший всплеск интереса к украинскому вопросу в контексте геополитики связан с конфликтом между Россией и Украиной, последовавшим после победы Революции достоинства в 2014 году.

2013 – сегодняшние дни: европейский выбор и военный конфликт

Девид Кадьер обращается к украинскому кризису в контексте противоборства Европейского союза и России за геополитическое и экономическое влияние в странах, которые входят в зону так называемого общего соседства [6]. В числе этих стран Украина имеет ключевое значение.

Со стороны Европейского союза внедряется инициатива под названием «Политика европейского соседства» (European Neighbourhood Policy), главным мотивом запуска которой были геополитические соображения: стабилизация Европейской периферии, а также установление внешней политики ЕС после расширения. В центре такой политики – стремление к стабильности, которая, тем не менее, достигается без членства в самом ЕС. Отдельная позиция характерна для стран Центральной Европы, которые рассматривают политику европейского соседства, в первую очередь, в качестве инструмента ослабления влияния России в регионе.

Поскольку Россия видела в такой внешнеполитической активности ЕС угрозу своим интересам (в первую очередь, политико-военным, что стало очевидным после внезапной аннексии Крыма), ею была предложена альтернативная геополитическая инициатива – «Евразийский таможенный союз», запущенная в 2010 году, а также анонсирован «Евразийский экономический союз» (старт намечался на 2015 год). При этом первоначально акцент делался не на политической или исторической целесообразности, а на перспективах модернизации и экономических выгодах для региона в целом.

Д. Кадьер указывает, что традиционное рассмотрение этих альтернативных схем регионализации в качестве ключевых факторов геополитической ориентации Украины является слишком сильным упрощением. Понять их противоборство можно, лишь учитывая такой опосредующий комплекс переменных, как экономические и политические интересы элит внутри самой Украины. В этом смысле решение В. Януковича о выходе из процесса заключения ассоциации с ЕС было

продиктовано, прежде всего, его оценкой экономической ситуации и перспектив переизбрания, а не степенью лояльности к России или ЕС.

Подводя итоги, автор приходит к выводу о том, что меры жесткой политики со стороны России указывают на ее проигрыш в геополитическом противостоянии альтернативных схем регионализации.

Более радикально о ситуации в Украине высказывается Реин Мюллерсон, называя нашу страну жертвой геополитики [21]. Он считает, что операция НАТО в Косово, вторжение в Ирак, военный конфликт между Россией и Грузией, а теперь и между Россией и Украиной, демонстрируют международное право и мораль в качестве геополитических инструментов. Автор считает, что если во время холодной войны речь шла о противостоянии капитализма и коммунизма, то теперь – о противостоянии однополярного и многополярного видения мира. Причем это соперничество не идеологическое, а геополитическое, в котором идеология, мораль и закон используются в качестве средств в борьбе за конструирование грядущей действительности. Автор приходит к выводу, что вследствие высокой сложности сегодняшнего мира ни одна из моделей (иудео-христианская, англосаксонская, конфуцианская, мусульманская или даже светская либерально-демократическая) не может стать доминирующей. Более того, их борьба ведет лишь к бесконечным конфликтам.

К оценке конкурирующего объяснения в виде концепции столкновения цивилизаций С. Хантингтона обращается Борис Барканов [4]. Несмотря на ее первоначальную привлекательность, автор приходит к выводу, что религиозная картина в Украине не подтверждает данную концепцию, поскольку раскол между униатами и православными значительно менее важен (особенно в контексте событий Евромайдана), чем кластеры таких объяснительных факторов, как языковые практики, национальность и геополитические предпочтения. Это, в свою очередь, ведет к необходимости признания столкновения не цивилизаций, а геополитических игроков (в данном случае России и Запада), обращающихся в Украине к различным геополитическим идентичностям.

При этом, в отличие от предыдущих прецедентов противостояния, данный случай характеризуется большей остротой и опасностью (аннексия Крыма, провал деэскалации развивающегося конфликта между Россией и Украиной на международных встречах весной 2014 года, дальнейший вооруженный конфликт на востоке Украины, в том числе повлекший трагедию с малазийским Боингом, беспрецедентные экономические санкции в отношении России). Таким образом, то, что было конкуренцией геополитических проектов регионализации, переросло в очень напряженную дилемму региональной безопасности.

Оценка роли действий Российской Федерации для демократизации в Украине и Грузии представлена в работе Лауры Делкур и Катарины Волчук [8]. Статья разворачивается вокруг вопроса о том, следует ли оценивать эту роль в качестве барьера или, наоборот, усилителя демократизации (проявлениями которой выступают три демократических революции в Грузии и Украине).

Авторы приходят к выводу, что несмотря на преобладания внутренних причин демократизации (давление масс и соперничество между национальными элитами) над внешними (усилия Европейского союза и США), Россия проинтерпретировала соответствующие процессы как результат вмешательства Запада, на который она должна дать симметричный ответ.

По мнению Л. Делкур и К. Волчук, аннексия Крыма и последовавшая за ней военная агрессия на востоке Украины, а также те последствия, которые они повлекли как на международном, так и на уровне отдельных государств позволяют сделать четыре вывода.

Во-первых, геополитические интересы авторитарных сил, а не страх перед распространением демократизации, являются главной причиной их борьбы за влияние в странах, которые включаются ими в сферу своих интересов. Так, именно усиление связей между Украиной и Грузией, с одной стороны, а также их общее сближение с западными структурами привели к ответным действиям России.

Во-вторых, даже когда продвижение и поддержка демократии со стороны западных партнеров является слабой и иллюзорной в странах, находящихся в поле интересов Российской Федерации, последняя оценивает такие действия в качестве неприемлемых. Поэтому события, свидетельствующие о демократическом прогрессе (какими бы незначительными они не были на самом деле), могут быть проинтерпретированы в качестве вмешательства Запада и вести к ответной активности.

Третий вывод касается механизмов, используемых авторитарными игроками для противодействия продвижению демократии. Авторитарные силы противодействуют демократизации посредством усиления авторитарных групп в соседних странах. Поддержка соответствующих элит с помощью политических, экономических, а также средств безопасности, является наиболее простым и эффективным способом продвижения своих интересов. В то же время, при замене авторитарных элит в этих странах прозападными, а значит, дальнейшей невозможности использования соответствующей стратегии, в ход идет широкий спектр инструментов: от экономического и политического давления до принуждения и военной силы, которые используются по собственному усмотрению. Готовность действовать таким образом стала неожиданностью для групп, продвигающих демократию.

Наконец, эффекты от действия авторитарных сил в отношении успехов демократизации в других странах заслуживают пристального внимания. Так, подрывая чужую государственность и нарушая территориальную целостность, авторитарные силы в действительности добиваются обратного – толкают соответствующие страны в сторону Запада, а значит, способствуют дальнейшей демократизации.

Майкл Джентайл является одним из немногих авторов, которые обращаются не к макроуровню геополитических процессов, а к геополитическим ориентациям населения, в данном случае – на востоке Украины [10]. В качестве эмпирической базы использовались результаты опроса в Луганске (N = 4000), которые были получены в конце 2013 года. Данные собирались уже в процессе нарастающего политического кризиса, связанного с отказом В. Януковича подписать ассоциацию с Европейским союзом.

Для фиксации геополитических ориентаций использовался следующий вопрос: «На Ваш взгляд, было бы хорошо для Украины стать членом НАТО и ЕС?» (1 – «Да, и НАТО и ЕС»; 2 – «Только НАТО»; 3 – «Только ЕС»; 4 – «Нет»; 5 – «Не знаю»). Далее результаты перекодировались. Первые три альтернативы рассматривались в качестве западных геополитических ориентаций, четвертая – восточной (прорусской/советской), пятая – промежуточной категории. Так, автор считает, что в основании варианта ответа «Не знаю» может лежать целый набор детерминант: плохая проинформированность, сложность в выражении своей позиции при хорошей проинформированности, желание уйти от ответа на сенситивный вопрос.

В качестве независимых переменных использовался набор демографических (возраст и пол), социоэкономических (уровень образования респондента, наличие высшего образования у родителей респондента, статус занятости), социокультурных (самооценка этнической принадлежности, навыки владения английским языком, установки в отношении гомосексуализма, общая удовлетворенность жизнью) и ситуационных индикаторов (ориентировочное место жительства в городе). Поскольку зависимая переменная является номинальной, для анализа использовалась множественная логистическая регрессия.

Результаты анализа показали, что прозападные геополитические ориентации характерны в большей мере для более молодых, нерусских (но включающих другие этнические меньшинства), хорошо образованных, более толерантных в отношении секс-меньшинств, более удовлетворенных жизнью и в лучшей мере владеющих английским языком респондентов. Соответственно, респонденты с провосточными установками характеризуются противоположными показателями по указанным характеристикам. При этом М. Джентайл указывает на то, что Луганск – это еще не восток Украины, а восток Украины – не Украина в целом. Соответственно, к полученным результатам надо подходить с известной степенью осторожности.

Еще одно исследование на основании кросс-секционного дизайна представлено Джоном Олоклином, Джерардом Тоалом и Владимиром Колосовым, обращающимся к такому информационно-идеологическому феномену, как «Новороссия» [24], в контексте его активного использования российскими СМИ в 2014 году. Главная цель их исследования – определить, является ли он тем основанием, на котором можно выстроить геополитический сепаратизм в Украине. Для ее достижения ими был организован репрезентативный опрос (N = 2033) в шести областях Украины: Харьковской, Днепропетровской, Одесской, Николаевской, Херсонской и Запорожской (опрос проводился в декабре 2014 года). Анкета включала около 140 вопросов, которые можно разделить на три широкие группы: демографические вопросы, вопросы на геополитическую тематику, а также вопросы об установках относительно специфических тем локального характера.

Что касается такого информационно-идеологического явления, как «Новороссия», было задано три вопроса: 1) «Является ли Новороссия мифом или историческим фактом?»; 2) «Может ли этот исторический факт быть использован в качестве основания для отделения Новороссии от Украины?» (задавался только тем респондентам которые не выбрали вариант ответа «миф» на предыдущий вопрос); 3) Является ли использование термина «Новороссия» (а) российской политической технологией по уничтожению Украины или (б) выражением борьбы жителей юго-восточной Украины за независимость, или (в) Вы не знаете, или г) Вы отказываетесь говорить.

На основании проанализированных данных авторы приходят к выводу, что в рассматриваемых областях политический проект «Новороссия» имеет минимальную поддержку. Почти половина опрошенных посчитала, что этот термин является «историческим мифом». Соответственно, его актуализация – результат российской политтехнологии. В качестве основания для отделения это явление рассматривают более пожилые и менее обеспеченные респонденты. Также существенным фактором поддержки соответствующих идей является чувство ностальгии по Советскому союзу. При этом авторы считают, что недооценивать общую распространенность поддержки этого информационно-идеологического явления на юго-востоке Украины все же не стоит. В качестве альтернативного объяснения его низкой поддержки в результатах опроса они называют сенситивность соответствующих вопросов, а также высокий уровень ответов с использованием варианта «Не знаю».

Независимая Украина в геополитическом дискурсе: ключевые темы

Представленный выше материал дает общее представление о том, какая роль отводится Украине в геополитических представлениях западных экспертов. Прежде всего, она является важным элементом, определяющим соотношение сил в Восточно-европейском регионе, что связано с транзитом энергетических ресурсов, а также ее ролью в сфере экономических и военно-стратегических преимуществ. Все это неоднократно становилось предметом геополитических конфликтов в регионе.

Во-вторых, Украина раз за разом помещается перед дихотомическим выбором между западным и восточным путем развития. Даже в случаях, когда озвучиваются альтернативные варианты, которые могут обладать лучшим потенциалом с точки зрения интересов Украины (например, ГУАМ), они оцениваются в контексте движения по указанному вектору. Такая аналитическая фокусировка говорит, прежде всего, о первоочередном внимании к интересам политических игроков на западе и востоке, а уже потом – самой Украины.

В-третьих, общая внутренняя ситуация в Украине, релевантная с точки зрения геополитических возможностей, может быть разделена на два уровня. В качестве базиса здесь выступает так называемый «черный ящик» украинской политики, в котором политические элиты Украины решают свои перманентные конфликты. Надстройкой же является весь спектр экономических и институциональных проблем, порождаемых результатами конфликтного взаимодействия как политических элит Украины, так и нестабильностью внешнеполитической среды (в отношении последней справедливо использование еще одной метафоры – «туман войны»).

Наконец, очень мало внимания уделяется геополитическим предпочтениям населения Украины. А в тех работах, где это делается, внимание, опять же, сосредоточено на дихотомии «восток-запад». Последнее является распространением логики вынужденного (реактивного) геополитического перехода с уровня международных отношений на уровень повседневной жизни украинских граждан. Большое внимание в этом контексте уделяется проблеме их идентичности как фундаменту построения тех или иных геополитических проектов.

Но несмотря на эпизодическое внимание к самим геополитическим ориентациям, в статьях указываются важные, с точки зрения геополитических установок, личностные переменные. Кроме уже упомянутых особенностей национальной идентичности, к ним также относятся оценка национальной истории и особенностей исторической памяти, доверие к тем или иным международным СМИ, оценка языкового вопроса в Украине, терпимость/нетерпимость к идейным оппонентам внутри страны, оценка путей развития национального государства, оценка русско-украинских энергетических конфликтов, ценностные мотивы, отношение к проявлениям сепаратизма, предпочтения моделей регионального сотрудничества, особенности соотношения деятельности крупных геополитических игроков с интересами Украины, а также поощрение/порицание их вмешательства в ее внутренние дела, понимание различных последствий того или иного геополитического выбора (в том числе и в военной сфере). Анализ релевантности перечисленных аспектов является важным этапом с точки зрения подготовки исследовательской стратегии изучения геополитических ориентаций в Украине среди общего населения.

Отдельного внимания с точки зрения изучения геополитических ориентаций заслуживает работа Т. Кузьо [13]. Несмотря на то, что автор останавливается на дихотомии «восток-запад», он вводит вторую, принципиально важную, на наш взгляд, дихотомию: «радикализм – прагматизм». Именно геополитический прагматизм движет теми игроками международного взаимодействия, которые занимают активную роль в достижении своих национальных интересов. В свою очередь, восточный и западный векторы развития могут (и должны) быть расширены за счет альтернативных путей геополитического сотрудничества. Кратко рассмотрим лишь некоторые из них (ГУАМ, Польша, Турция, многовекторность).

В действительности ГУАМ является частью западной геополитической стратегии развития для Грузии, Украины, Азербайджана и Молдовы. Кроме того, большинство стран, входящих в него, были объединены общей проблемой – территориальными конфликтами в рамках своих границ (Приднестровская Молдавская Республика, Республика Абхазия, Республика Южная Осетия, Нагорно-Карабахская Республика). Как ни парадоксально, но с 2014 года этот «клуб» пополнила и Украина (Крым, Донбасс). По мнению Т. Кузьо, ГУАМ – проявление прагматического интереса образующих его стран-участниц. Потенциальные выгоды такого сотрудничества, конечно же, не ограничиваются политическими и территориальными вопросами, но охватывают также и экономическое измерение.

Роль польско-украинских отношений сложно переоценить в свете усилившейся трудовой эмиграции из Украины в Польшу. Для нашей стороны – это важный источник доходов, для польской – существенный стимул экономического роста. Логичным продолжением этого процесса, сложившегося стихийно, является экономическое сотрудничество на уровне стран, направленное на защиту прав и интересов наших соотечественников в Польше. С учетом специфики описанной ситуации

речь здесь идет также о прагматической направленности геополитической активности. Это как раз тот тип западной интеграции, который является естественным и наиболее продуктивным. Напротив, отсутствие конструктивного реагирования на сложившуюся ситуацию чревато усугублением экономических проблем в самой Украине.

Вести речь о турецком направлении позволяет хотя бы то, что соответствующие геополитические ориентации распространены среди крымско-татарского национального меньшинства, проживающего в Украине (как известно, количество крымских татар превосходит их число в Крыму и на материковой Украине). Но даже независимо от этого турецкий вектор в контексте геополитического сотрудничества можно рассматривать в качестве перспективного. Во-первых, это продиктовано возможностями уравнивания сил в геополитическом треугольнике Украина-Турция-Россия. Во-вторых, ценным для Украины может быть сотрудничество в экономической сфере, в частности – знакомство с турецким опытом развития национальной экономики, характеризующейся большим количеством отраслей, выгодным географическим положением и дешевой рабочей силой (что на наш взгляд характерно и для Украины).

Пресловутая многовекторность, сослужившая Украине в итоге не самую лучшую службу, не может быть отброшена лишь потому, что высшие руководители нашего государства не смогли умело ей распорядиться. Учитывая то, что в обозримом будущем Украина не станет членом Европейского союза, а также по-настоящему усугубившиеся отношения с Российской Федерацией, движение по вектору «восток-запад» существенно ограничено. При этом отношения с обоими из указанных партнеров не прекращаются и требуют тех или иных решений в контексте внешнеполитической действительности. Не стоит скидывать со счетов и всю совокупность возможностей, связанных с альтернативными направлениями (ГУАМ, Польша, Турция и др.). В этом смысле стратегия многовекторности может рассматриваться в качестве эффективного инструмента решения геополитических задач, возникающих перед Украиной (вопрос лишь в качестве государственного управления).

Итак, в стратегической плоскости Украина может быть ориентирована на геополитический радикализм (постоянное движение в одном направлении независимо от возникающих сложностей) или прагматизм (продвижение своих национальных интересов по тем направлениям, которые актуальны с точки зрения текущей геополитической ситуации). Что касается **наиболее важных** направлений внешнеполитической деятельности, то нет никакой причины ограничивать их дихотомией «восток-запад».

Принимая во внимание многоаспектность геополитических установок, возможность их эмоционального или рационального проявления, а также высокую сложность (векторность) внешнеполитической среды Украины, попробуем сформулировать некоторые выводы о том, какой в действительности должна быть фиксация геополитических предпочтений участников массовых опросов, проводящихся в Украине.

Фиксация геополитических ориентаций социологическими средствами (вместо заключения)

Прежде всего, надо сказать о том, что общение исследователя с респондентами (пускай и в формате анкетного опроса) на такую тему как геополитические предпочтения предполагает выбор некоторой фокусировки обсуждения, которая определяет результаты этой коммуникации. Здесь в полной мере проявляется то, что С. Садмен и Н. Брэдберн называли контекстуальной обусловленностью ответов [2, с. 209]. И этот контекст не только создается последовательность предыдущих вопросов (говоря в общем, этот фактор может себя даже не проявить), но и конструируется форматом и содержанием самого вопроса. Геополитическая проблематика является весьма сложной темой, имеющей отношение, среди прочего, к памяти и широте кругозора респондентов. Поэтому формат и содержание соответствующих вопросов задают жесткие рамки когнитивной активности респондента. И совсем необязательно, чтобы они являлись для него естественными и знакомыми. Фактически исследователь заставляет респондента мыслить о геополитике так, как он сам это делает. А как показал наш анализ, геополитическая проблематика является той сферой смыслов, которая характеризуется весьма высокой гетерогенностью.

Таким образом, социологический инструментарий, нацеленный на геополитические ориентации респондентов, должен, по возможности, касаться всех релевантных аспектов геополитической действительности Украины. Это позволит наилучшим образом активизировать память участников опроса, а также предоставит им достаточное количество когнитивных инструментов для взвешенной интерпретации такой комплексной проблемы. Не сделав этого, исследователь слишком многое «выносит за скобки», делая тем самым свою собственную интерпретацию полученных результатов по сути волюнтаристской.

Выводы. Опираясь на рассмотренные в статье научные работы, к таким релевантным аспектам мы относим следующие:

1. *Идентичность*: различные аспекты национально-гражданской идентичности могут оказывать прямое влияние на геополитические предпочтения респондентов (это, в частности, было продемонстрировано в одном из наших исследований [1]).

2. *Особенности исторической памяти*: интерпретация исторических событий и персоналий может быть связана с геополитическими установками, особенно в том случае, когда эти события/персоналии созвучны с актуальными геополитическими процессами.

3. *Оценка языкового вопроса в Украине*: отношение к языковым проблемам показательно не только с точки зрения направленности геополитических ориентаций, но и с точки зрения их общей тональности – радикальной или прагматической.

4. *Доверие к международным СМИ*: восприятие информации из различных зарубежных информационных источников как заслуживающей доверия или, наоборот, недостоверной во многом связано с геополитическими предпочтениями.

5. *Отношение к территориальному устройству Украины*: за представлениями относительно желательного территориального устройства страны могут скрываться те или иные геополитические предпочтения.

6. *Оценка русско-украинских энергетических конфликтов*: в контексте отказа от дихотомии «восток-запад» этот фактор имеет ограниченное значение; вместе с тем его значение сложно переоценить при анализе отношения респондентов к Российской Федерации; при этом вопрос энергетической безопасности Украины может (и должен) быть вынесен за рамки треугольника «Украина – Европейский союз – Российская Федерация».

7. *Ценностная структура*: признание приверженности к тем или иным наборам ценностей (например, европейским, общеславянским, аутентично-этническим или прагматическим) само по себе мало (или практически ничего) не говорит о реальной ценностной структуре индивида; вместе с тем, такая артикуляция может быть важным измерением при анализе специфики внешнеполитических ориентаций респондента.

8. *Оценка приоритетных направлений сотрудничества в регионе*: в данном случае важна оценка перспективности экономического сотрудничества с предполагаемыми геополитическими союзниками, а также мнение о том, насколько тесным оно должно быть.

9. *Особенности понимания интересов Украины в контексте деятельности ведущих геополитических сил, а также оценка поведения последних*: оценка поведения различных стран в качестве враждебной, дружественной или нейтральной по отношению к Украине является прямым показателем геополитических ориентаций респондентов (в том числе оценка приемлемости вмешательства в политическую жизнь Украины); дополняющим его параметром следует признать то, какими респонденты видят внешнеполитические решения украинских элит, направленные на достижение интересов Украины.

10. *Готовность/неготовность принять различные последствия геополитического выбора политических элит Украины*: различные варианты геополитического развития предполагают не только некоторые выгоды, но и издержки, связанные с ними; в этом контексте важно понимать, какие из возможных негативных последствий респонденты готовы принять в рамках того или иного выбора.

Перечисленные аспекты могут быть использованы в качестве исходной точки для разработки социологического теста, направленного на комплексное измерение геополитических ориентаций среди общего населения в Украине. При этом их структурирование и содержательное оформление должно быть осуществлено с опорой на два принципа: 1) учет радикализма/прагматизма в суждениях; 2) отказ от геополитической дихотомии «восток-запад».

Литература:

1. Дембіцький С., Любива Т. Зв'язок територіально-громадянської ідентичності, геополітичних орієнтацій та міграційних настроїв в Україні. Українське суспільство: моніторинг соціальних змін / за ред. В. Ворони та М. Шульги. 2017.
2. Садмен С., Брэдберн Н. Как правильно задавать вопросы: введение в проектирование опросного инструмента / Пер. с англ. А.А. Виночкиной; Науч. ред. перевода Д.М. Рогозин. М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2002. 382 с.
3. Arel D. Ukraine: the muddle way. Current History. 1998. Vol. 97. P. 342.
4. Barkanov B. Crisis in Ukraine: Clash of Civilizations or Geopolitics? Power, Politics and Confrontation in Eurasia. London: Palgrave Macmillan UK, 2015. P. 210.
5. Brzezinski Z. Ukraine's Critical Role in the Post-Soviet Space. Harvard Ukrainian Studies. 1996. Vol. 20. P. 3.
6. Cadier D. Eastern partnership vs Eurasian Union? The EU–Russia competition in the shared neighbourhood and the Ukraine crisis. Global Policy. 2014. Vol. 5. №. 1. P. 76.
7. Dawson J. I. Ethnicity, ideology and geopolitics in Crimea. Communist and Post-Communist Studies. 1997. Vol. 30. №. 4. P. 427.

8. Delcour L., Wolczuk K. Spoiler or facilitator of democratization? Russia's role in Georgia and Ukraine. *Democratization*. 2015. Vol. 22. №. 3. P. 459.
9. Dragneva R., Dimitrova A. Patterns of Integration and Regime Compatibility: Ukraine between the CIS and the EU. *The CIS, the EU and Russia*. London: Palgrave Macmillan, 2007. P. 171–201.
10. Gentile M. West oriented in the East-oriented Donbas: a political stratigraphy of geopolitical identity in Luhansk, Ukraine. *Post-Soviet Affairs*. 2015. Vol. 31. №. 3. P. 201–223.
11. Hatton D. Did the Orange Revolution Change Ukraine's Geopolitical Position Regarding Russia and the West? *Polis Journal*. 2010. Vol. 3. P. 1.
12. Kropatcheva E. Playing both ends against the middle: Russia's geopolitical energy games with the EU and Ukraine. *Geopolitics*. 2011. Vol. 16. №. 3. P. 553.
13. Kuzio T. Geopolitical pluralism in the CIS: The emergence of GUUAM. *European Security*. 2000. Vol. 9. №. 2. P. 81–114.
14. Kuzio T. Identity and nation-building in Ukraine: Defining the «Other» Ethnicities. 2001. Vol. 1. №. 3. P. 343.
15. Kuzio T. National identity and history writing in Ukraine. *Nationalities Papers*. 2006. Vol. 34. №. 4. P. 407–427.
16. Kuzio T. Promoting geopolitical pluralism in the CIS: GUUAM and Western foreign policy. *Problems of Post-Communism*. 2000. Vol. 47. №. 3. P. 25.
17. Kuzio T. Ukraine's relations with the west: disinterest, partnership, disillusionment. *European Security*. 2003. Vol. 12. №. 2. P. 21.
18. Larrabee F. S. Russia, Ukraine, and Central Europe: the return of geopolitics. *Journal of international affairs*. 2010. Vol. 63. №. 2. P. 33.
19. Malek M. The «Western Vector» of the Foreign and Security Policy of Ukraine: Continuities and Ruptures under President Viktor Yushchenko (2005–2009). *The Journal of Slavic Military Studies*. 2009. Vol. 22. №. 4. P. 515.
20. Molchanov M. A. Post-communist nationalism as a power resource: A Russia-Ukraine comparison. *Nationalities Papers*. 2000. Vol. 28. №. 2. P. 263.
21. Müllerson R. Ukraine: Victim of geopolitics. *Chinese Journal of International Law*. 2014. Vol. 13. №. 1. P. 133.
22. Nichol J. P., Woehrel S. J., Gelb B. A. Russia's cutoff of natural gas to Ukraine: context and implications. Congressional Research Service, Library of Congress, 2006. 6 p.
23. Nikulin V., Selyutina N. Geopolitical orientations of Ukrainian political elites and the electoral campaign of 2006. *Perspectives on European Politics and Society*. 2007. Vol. 8. №. 4. P. 544.
24. O'Loughlin J., Toal G., Kolosov V. The rise and fall of «Novorossiya»: examining support for a separatist geopolitical imaginary in southeast Ukraine. *Post-Soviet Affairs*. 2017. Vol. 33. №. 2. P. 124.
25. Stepanenko V. Identities and language politics in Ukraine: the challenges of nation-state building. *Nation-building, ethnicity and language politics in transition countries*. Budapest: Open Society Institute, 2003. P. 107.
26. Virág A. The cultural and geopolitical dimensions of nation-building in the Ukraine. *Society and Economy*. – 2012. – Vol. 34. – №. 4. – P. 619-641.
27. Woehrel S. Ukraine's Orange Revolution and US Policy. Congressional Research Service, Library of Congress, 2005. 15 p.
28. Zhurzhenko T. Cross-border cooperation and transformation of regional identities in the Ukrainian–Russian borderlands: towards a Euroregion «Slobozhanshchyna»? Part 1 *Nationalities Papers*. 2004. Vol. 32. №. 1. P. 207.
29. Zhurzhenko T. Cross-border cooperation and transformation of regional identities in the Ukrainian–Russian borderlands: towards a Euroregion «Slobozhanshchyna»? part 2. *Nationalities Papers*. 2004. Vol. 32. №. 2. P. 497.
30. Zhurzhenko T. Language Politics in Contemporary Ukraine: Nationalism and Identity Formation. *Questionable Returns*. 2002. Vol. 12. P. 12.